Вырезка из газеты БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ
15 ИЮН 1973
от . . . . . .
г. Баку
Газета № . . . .

Бакинский рабочий. — Баку — 1973 — 15 июня

Театр

Гастроли друзей

ЕДИНАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ...

ЦЕЛЬ! Назовем сразу то самое слово, которое недописали в нашем заголовке. Единая и единственная цель для всех театров — любого ранга и любой прописки, столичной ли, «периферийной» — воздействовать на зрителя. Хочется воспользоваться именно этим глаголом, потому что он не только исключает равнодушие, но и предполагает активную, действенную реакцию зрительской мысли и чувства. Судя по гастрольному репертуару, Донецкий областной русский драматический театр как раз менее всего склонен к расчету на «ровность», на «среднюю температуру» реакций в зале. Какую пьесу ни возьми, в ней есть свой «взрывчатый» заряд.

Показанный репертуар разнообразен и весом: в нем — советская классика и образцы современной советской драматической литературы, пьесы классической и современной западной драматургии. Тем более странно, что русский театр Украины не привез в Баку украинских пьес.

Меж тем в «творческом лице» театра явно проглядывают черты украинской школы: броская, «откровенная» эмоциональность, сочность художнического мазка на сценической палитре.

Интересно, как национальные черты сценической школы входят в контакт и «взаимодействие» с современным стилем игры, режиссуры, декорационного искусства...

Нет спору, своей цели достигает спектакль «А зори здесь тихие...» (режиссер В. Бугаев). «Почему, за что так рано оборвалась эта молодая жизнь?!» — жизнь Риты Осяниной, Жени Комельковой, Лизы Бричкиной, Сони Гурвич, Гали Четвертак. Да, все это и неотделимые одна от другой и самоценные жизни. Жизни, которым нет цены. На программке необычного формата все пять имен даны огромными заглавными буквами (программка «играет» как участница спектакля, — хорошо!) И рядом, вместе, так же «заглавно» — имя старшины Васкова.

Почему, за что?! — пронзительно, со щемящей болью звучит в спектакле; впрочем, не столько вопросительно, сколько страстно-протестующе: такое не должно повториться. Эту главную тему спектакля несут в себе образы старшины Васкова и самих девушек. Васков — Г. Лесников — «крепкий мужик», а «несет» в своей душе — тяжко, по-мужицки, по-рабочему *непрощающе* — эту тему, эту боль безвременной гибели чудесных своих бойцов-девчат. Ведь он их под огонь вел, вел без тени колебания, наставляя и вдохновляя в бою примером — стоять насмерть, «словно за ними вся Россия». И не смог защитить, уберечь...

Мысль о «ниточках» в «пряже человечества», трагически оборванных, пульсирует в спектакле. От нее — живой «индуктирующий» ток к переживаниям Васкова; она, эта мысль, подкрепляется светлым обаянием девушек-героинь: Риты — А. Фоменко, Жени — Н. Белецкой, Лизы — Г. Овсянниковой, Сони — О. Воскобойниковой, Гали — Л. Гетманской, в которых все — *для жизни, для счастья.*

Режиссер, сведя до минимума «массовки», отказавшись от всяких ретроспекций в прошлое, «материализации» воспоминаний и т. д., сосредоточил все внимание на «крупных планах», психологических портретах героя и героинь. В сущности, это — сосредоточенность на сверхзадаче спектакля, на выявлении прекрасного в их характерах, священной цели их боевого и духовного союза. И отсюда — страстно-заинтересованная сосредоточенность зрителя, «взрывающегося» на последнем трагически-героическом аккорде пьесы взволнованным и благодарным рукоплесканием.

Есть, однако, в этом спектакле и нечто снижающее впечатление. Это — «излишества» игры, эмоций, красок, словно бы обретающие свою «самостоятельность», отдельную от сквозной задачи роли, действия. Моментами этим грешат Г. Лесников, Н. Белецкая... Хочется отметить молодую актрису О. Воскобойникову (Соня Гурвич), все сценическое поведение которой вплоть до жеста, интонации, отличают удивительная органичность, мягкость...

ЦЕЛЬНЫЙ и динамичный образ спектакля «Забыть Герострата» нашли режиссер В. Тарнис и художник М. Ковальчук. Кстати, и тут «играет» художественно исполненная программка: на коринфской колонне посреди деталей античного зодчества — хищная птица, напоминающая эмблему фашистского рейха. Та же мысль положена в основу оформления, безусловно, оригинального: щиты-панели, служащие основным элементом декорации, разрисованы древнегреческими статуями, которые мгновенно ассоциируются с прекрасной культурой «колыбели человечества». А на фоне этих панелей (когда они стены тюрьмы) хищно-предприимчиво изгиляется Герострат, на их же фоне (когда они стены дворца) лихорадочно суетится Тиссаферн. Артист Н. Земцов (заглавная роль) динамично *по мысли* и чувству обнажает зловеще-пошлую суть «геростратовой славы». Она, эта суть, великолепно раскрывается в едва ли не лучшей сцене беседы-сговора Герострата и сатрапа персидского царя в Эфесе Тиссаферна (Б. Сабуров). Как они нашли друг друга! Какая взаимная доверительность! Естественно: кто так чудовищно эгоцентричен в своей жажде славы — личной, только личной — пойдет в услужение к черту-дьяволу, и скажи ему: жги! — он подпалит с четырех сторон человечество.

Спектакль вызывает исторические аналогии и современные ассоциации... Но он несколько «недотягивает» в решении этой задачи. Здесь нет эмоционального *крещендо* — крещендо возмущения, протеста против современных мюнхенцев и всяческих «слуг дьявола», *лелеющих* и взращивающих новоявленных поджигателей. А преодоление такого эмоционального (и, значит, идейно-художественного) «недобора» в спектакле зависит от активности вторжения в события нашего полпреда в древности (Л. Погорелов), и от того, насколько активизируется артист А. Чернов, создавший внушительный, но несколько статичный образ благородного судьи-архонта, а главное, от исполнителя заглавной роли, воспринявшего идею спектакля, как видно, не до конца, не до полного обжигающего слияния ее с «темой сердца».

ДЕТАЛЬ оформления спектакля «Хищница» (по Бальзаку), так и напрашивающаяся на похвалу *изобретательности* художника (М. Ковальчук): полог-потолок в доме папаши Руже в виде огромной паутины, и в самом центре, разумеется, паук. Наглядность соблазнительная... Не оставляющая никаких сомнений в замысле спектакля. На поверку же оказывается, что такая наглядность скорее наводит на сомнение: к кому относится эта паутина с пауком? *Очевидно, прежде всего к героине? Но... По ходу спектакля выясняется:* с Флорой, содержанкой миллионщика папаши Руже, дело обстоит не так-то просто... Правда, она плетет паутину-сеть, чтобы окончательно запутать в ней Руже, но есть в душе Флоры начало, несовместимое с паучьим, хищным. *Во всяком* случае, в душе той Флоры, которую рисует С. Отченашенко, артистка, которой сложность чувств, видимо, менее доступна и приманчива, нежели их самозабвенность. И это сводит почти на нет тему *«хищничества»* Флоры, обращая ее в тему всепоглощающей любви к красавцу-возлюбленному Максу (Б. Бурдейный).

На мысль о том, что замысел спектакля (постановщик А. Утеганов) шире, интересней, наводит нас и Филипп Бридо... Правда, трудно *усомниться* в том, что он не хищник-паук, этот бывший наполеоновский полковник, плетущий хитроумную интригу вокруг Руже и Флоры, готовый провести «правительство, суд, палату пэров, словом, всю проклятую лавочку». Но артист А. Сорокко заставляет нас не только усомниться в хищнической природе своего героя, но и вызывает к нему пристальный интерес, как к личности незаурядной, сильной, с повадками отнюдь не паучьими, а скорее наоборот, вызванными активным неприятием «проклятой лавочки», населенной всякой масти и всяческих *калибров пауками...*

И у Руже одержимость стяжательством уступает перед страстью к Флоре. Но сила ее приглушена истолкованием образа Б. Сабуровым, подменившим своего трагикомического *героя* фарсово-комедийным, а его страсти — страстишками. Живописуя жалкого, немощного и похотливого старикашку на тонких кривых ножках, с любострастно оттопыренной губой и хлюпающим носом, артист прямо-таки купается в стихии «игры», изобразительности, но, неточно управляемая сверхзадачей, она, эта стихия, коварна — так и понесет к характерности ради самой характерности... В другой, уже упомянутой нами роли Тиссаферна («Забыть Герострата») Б. Сабуров, быть может, не менее обилен в изобразительных средствах, но тут они *сконцентрированы* вокруг главной цели и служат ей верное.

БОЛЕЕ всего соблазн расточительства — в *стихии юмора*, комизма... *Комедийное* в театрах Украины чувствуют отлично, отдаются ему со всей щедростью. Есть оно и в «Сослуживцах», хотя комедия эта поставлена В. Бугаевым серьезно. Нам интересно все, что происходит с «ведущими» героями комедии — плановиком Новосельцевым и директрисой Калугиной, потому что Новосельцев и Калугина — личности (А. Сорокко, Н. Юргенс), личности незаурядные. Отсюда их взаимная проницательность — дуэт глаз... От пристального взгляда неуклюжего увальня Новосельцева — Сорокко Калугина — Юргенс аж поеживается, но ей не плохо, ей хорошо, потому, что она словно «оттаивает» под этим, несколько даже неподвижно-тяжеловатым взглядом. И сама поглядывает на него исподлобья, как бы ненароком, но замечая мимолетные приметы внутренней красоты этого человека.

В центральной коллизии пьесы, как ее решает театр, нет ничего склонного к несерьезности, пустому комизму. И в самом деле, юмористично, но трогательно, комедийно, *но возвышающе* такое «наглядное», чуть ли не демонстративное превращение «синего чулка», «мымры» в красивую и привлекательную женщину. За этим — бурно возродившаяся вера человека *в себя*, в то, что *он* достоин любви, счастья... даже незаменим... (для своего героя, конечно). Таким же чувством незаменимости обуреваем и сам наш герой... еще совсем недавно такой одинокий и неприкаянный.

Ну, что же тут для фарса, буффонады?

И все ж-таки театр не удержался от «соблазна» «просто посмешить», — как иначе, как не фарсово-буффонным назовешь это нелепое падение *Новосельцева* с конем в кабинете у Калугиной, долгое смакование этой «лежачей мизансцены»?

Такие срывы тем более досадны, что в целом спектакль поставлен с чувством художественной меры, и исполнительскую манеру большинства его участников отличает хороший вкус, «благородная» сдержанность. В особенности это относится к И. Зенкову (*Самохвалов*), С. *Отченашенко* (Верочка)...

Кстати, о «сдержанности». В данном случае имеется *в* виду умение артиста сдержать порывы к переигрыванию, «жиму». Но вот иного рода сдержанность — как черта сильного характера, умеющего «властвовать собой» — Ольга Трофимовна Новикова в спектакле «Волны над нами». Она узнает о гибели сына-подводника. И вынуждена скрывать это от другого сына, тоже подводника, которому предстоит дальнее опасное плавание, и от невестки, готовящейся стать матерью. Тут сдержанность Ольги Трофимовны должна выглядеть так, чтобы сын, невестка действительно не могли догадаться об огромном, свалившемся *на мать и на них* горе, а нам, зрителям, должно быть видно, какого страшного душевного напряжения стоит Новиковой это спокойствие.

Артистке М. Алютовой выполнить задачу удается не вполне... Правда, ей не помогают в том явные драматургические слабости пьесы (Л. Синельников). А может, здесь сказалась и некоторая недооценка «школы», *некоторая* робость в использовании выразительных средств близкого ждановцам *ярко эмоционального* театра, чувствительного театра, не побоимся сказать. И — излишний *«пиетет» перед* той *пресловутой* сдержанностью, которая навязывается театрам некоторыми теоретиками как *непременный* признак современного стиля игры.

Такие парадоксы...

«Парадоксальным» показался мне и контраст между рядом глубоких и впечатляющих образов (особенно, Филипп Бридо), созданных А. Сорокко, и его же Хозе в «Дон Сезаре...» — этакий трафарет «великосветского злодея» из комедии «плаща и шпаги». И в том же спектакле прекрасный рыцарь и поэт Дон Сезар де Базан Б. Бурдейного, не слишком выразительно сыгравшего, однако, майора Жиле («Хищница»). Если затронуть «парадокс о художниках», можно удивиться контрастам декорационного искусства И. Бондарева: изобретательного, образного в *«Дон Сезаре...»*, *«Сослуживцах»* и «никакого» — в *«Волнах»...* У М. Ковальчука — декорации истинно художественные в «Забыть Герострата» и явно потускневшие в «Зорях...», где почему-то пренебрегли *живительным союзом* со светом, «световыми эффектами».

Это — по-дружески (критикуют, говорят, друга).

В самом деле, у наших гостей установился хороший контакт и полное взаимопонимание с бакинским зрителем.

Счастливого вам продолжения и завершения гастролей!

В. БОГУСЛАВСКИЙ.